— Игор, а откуда у тебя колбаса?

«Игорь! — мысленно возмутился он. — Меня зовут Игорь!»

— Я и говорю, Игор…

«Чертов английский! Почему ты не можешь правильно произнести моё имя?»

— Ты не ответил на вопрос. Если тебе не нравится, я тебя буду звать как прежде — Мышелов.

«Игор, так Игор, — грустно вздохнул он».

— Колбаса. Ты так и не сказал — откуда она?

«Из трактира».

— Из трактира? — девочка с ужасом уставилась на остатки колбасы. — Ты её украл? Господь милосердный! А если её у меня увидят? Мне же отрубят руку за воровство!

«Сделай так, чтобы не увидели. И не украл, а позаимствовал».

— Невозможно позаимствовать колбасу! — сложила руки перед грудью Мэри. — Это не тяпка и не телега — назад не вернёшь.

«Если надо — верну, ещё и с прибытком».

— Колбасу вернёшь? — удивлённо распахнула глаза Мэри. — КАК?!

«В сапоги!»

Поначалу Мэри впала в ступор, но когда до неё дошёл смысл, она звонко рассмеялась.

Доев колбасу, девочка сказала:

— Игор, мне нужно носить дрова.

«Глупостями занимаешься. Зачем вообще носить дрова? Разве тот мужик, у которого ты живёшь, не может сам отвозить дрова по назначению?»

— Это дядя Сэм. Он дал мне кров после смерти родителей. Он сильно занят. В ближайшей округе вырубили все деревья. Дяде приходится далеко ездить за дровами, поэтому он не хочет терять ни одной лишней минуты. До его дома ближе, чем до клиентов, поэтому он выгружает дрова там, а я уже разношу их покупателям.

«Я так и думал. Ты хотя бы тележку себе какую-нибудь сделала бы. Да хотя бы такую же, как у тебя была для перевозки эля. На неё и дров поместится больше, и устанешь меньше».

— Но я не умею и у меня не из чего её делать.

«Глупости. Можно подумать, что твоя прошлая тележка была сделана из дорогих и редких материалов. Несколько палок, верёвка и колеса из распиленного чурбака. Такую тачку за день можно сделать, зато потом сэкономишь много времени и сил».

— У меня нет инструментов. И верёвки тоже нет.

«Всему тебя нужно учить. Найди плотника, посмотри на него щенячьими глазками и попроси о помощи. Или того же кузнеца попроси помочь. Ты же с ним часто видишься, вряд ли он тебе откажет».

— Я попробую.

«Делай, а не пробуй. И вообще, мне не нравится твоя худоба. Тебя что, совсем не кормят в семье дяди?»

— Кормят, — грустно вздохнула она. — Но им самим нечего есть. Чёрная смерть унесла много жизней. За полями и скотиной некому ухаживать. Все голодают.

«А куда делась вся та еда, которую вы с родителями заготавливали? И скотина?»

— Разбойники всё унесли, — хлюпнула она носом. — Я тогда осталась одна, а они пришли… Я не могла ничего поделать, поэтому со всех ног побежала в город, а когда вернулась со стражей, то разбойники ушли. Они унесли все ценности и продукты, увели животных. Я осталась ни с чем. Тогда-то дядя меня и забрал к себе.

«Будем что-то решать с твоим прокормом», — Игорь постарался не выдать своих истинных мыслей, направленных на разбойников. А он был зол, очень зол. Взрослые мужики, обижающие маленьких сироток, как раз подходили под критерии отбора для подопытных. Особенно, если они обижают его девочку!

— Я бы не отказалась от еды, — у Мэри на языке оставался привкус чесночной колбасы, который она с удовольствием смаковала. Её губы расплылись в мечтательной улыбке. Вдруг она встрепенулась. — Игор, ты мог бы не воровать еду? Если меня увидят с ворованными

продуктами, то на первый раз отрубят руку. После такого я долго не проживу. Кому нужна безрукая сирота?

«Придумаю что-нибудь. Надеюсь, тележка высвободит тебе свободное время. Мне понадобится твоя помощь».

— Конечно, мой хороший, — схватила его в охапку и принялась гладить девочка. — Что нужно сделать? Почесать тебя за ушком?

«И это тоже, но сначала тебе неплохо было бы помыться, — чихнул он от исходящего от неё амбре. — Мне нужно будет, чтобы ты кое-что написала для меня».

Мэри звонко засмеялась.

— Хорошая шутка.

«Я не шучу. Ты должна написать текст под мою диктовку».

— Игор, ты не перепутал меня с монашкой? Я не умею писать!

«Чёрт! Забыл, что ты неграмотная крестьянка… Что ж, никто не говорил, что это будет просто, — вздохнул он. — Придётся сначала тебя научить писать».

— Ты умеешь писать?! — она изумлённо округлила глаза.

«То есть то, что я умею с тобой говорить — тебя не смущает, а то, что умею писать — удивило?»

— Ага-ага, — часто закивала она. — Я ни разу не слышала об учёных котах.

«Теперь ты с одним таким знакома».

— Но, Игор, раз ты умеешь писать, почему сам не напишешь то, что тебе нужно?

«У меня лапки!»

— И что? — с недоумением разглядывала его лапки Мэри.

«Лапками писать неудобно, долго и почерк ужасный. К тому же, я не хочу их пачкать в чернилах. Потом в жизни не отмоешься. А ты знаешь, как моются кошки? Лижут лапку, а потом ею возюкают по шерстке! А ваши чернила хранятся в свинцовых ёмкостях. Свинец

невероятно ядовитый. Я помру раньше, чем допишу текст! Ты хочешь моей смерти?»

— Нет-нет-нет! — замотала она головой из стороны в сторону. — Хватит с меня смертей! Хотя бы ты останься со мной, — хлюпнула она носом. — Обещаю, я обязательно научусь грамоте, если это необходимо.

«Отлично! Начнём с алфавита, пока ты сытая и соображаешь…»

***

По узким улочкам быстро бежал серый кот. В зубах он удерживал каравай хлеба, который размерами и весом был лишь немногим меньше его самого. За ним гнался полный мужчина с каштановой бородой в испачканном мукой фартуке.

— Стой, тварь! Шкуру сдеру!

Кот ловко метнулся в проулок. Когда мужчина заглянул туда, то не обнаружил ни животного, ни хлеба.

— Исчадие бездны! — сплюнул он. — Попадись только мне!

Угрожающе помахав кулаком, он развернулся и с одышкой поплёлся назад в пекарню. Под нос он пробормотал:

— А я грешил на подмастерье. Думал, он хлеб подворовывает. Но чтобы кот караваи таскал… — он мотнул головой. — Бездна! Это точно не простой кот, а колдовской.

Через полчаса в руки Мэри плюхнулся каравай хлеба, который с одного края имел чётко выраженные отпечатки кошачьих зубов, а рядом с девушкой приземлился на задницу кот. Девочка отвлеклась от укладки дров на тележку и воровато оглянулась по сторонам. Быстро она схватила хлеб и запихнула под одежду.

— Игор, — с укоризной посмотрела она на животное, — сколько раз я тебе говорила не воровать еду?

«Угу-угу… И смотреть на то, как ты загибаешься от голода? Не для того я тебя спасал, пожертвовав одной из своих жизней. За эти пару месяцев, что мы вместе, ты хотя бы немного на нормальную девочку стала похожа, а не узника Бухенвальда».

— Какого узника?

«Тюрьма такая, где всех пленных голодом морили и заставляли работать до тех пор, пока не умрут. Примерно такая же участь ожидала тебя».

— Ты бы знал, как я боюсь, что меня уличат в твоих кражах, — вздрогнули её плечи.

«Главное правило в любом деле — не попадайся».

— Я всё время удивляюсь, как тебе удаётся носить такие большие булки?

«Жить захочешь — не так раскорячишься… Ешь уже, и мне мякишу дай».

Весь каравай Мэри не осилила. Половину она оставила на вечер, припрятав в тайнике, который она организовала в дровнике на заднем дворе дядиного дома.

Девочка хоть на словах была против проделок Игоря, но в своих мыслях она радовалась тому, что этот умный кот стал её спутником и другом. Без него она бы снова ощущала постоянное и сосущее чувство голода. Кот ей каждый день приносит то колбасу, то хлеб, то солонину. Несколько раз он приносил зайцев и фазанов, которых она тайком разделывала и их мясо жарила, пока тетя уходила по своим делам.

«Чего расселась? Хьюстон вызывает Мэри! Возвращайся из своих фантазий. Время учёбы»

— Вечно ты так. Кто такой Хьюстон?

«Гора такая в Северной Америке».

— Где-где?!

«Континент такой на севере. Если долго плыть через океан, то там обнаружится два больших континента и множество островов. Там живут краснокожие люди».

— Никогда о таком не слышала.

«Тогда слушай, что тебе умные коты говорят, — он резко сменил тему и требовательно подумал: — Два плюс три!»

— Э-э… — Мэри начала загибать пальцы. — Так, два… И три… Пять! — радостно заулыбалась она.

«Счет трёхлетки ты освоила. Удивительно, как ты с такими талантами умудрялась считать монеты за эль?! — когда Игорь подобным образом обращался к ней по мыслеречи, Мэри

казалось, что он саркастично ухмыляется. — А должна была таблицу умножения уже выучить. Выучила?»

— Э-э-э…

Кот устало вздохнул и приложил правую лапу к мордочке.

«Учись, студентка, а то так всю жизнь будешь дрова таскать! Ладно, перейдем к грамматике. Бери палочку и пиши диктант: Мэри мыла раму».

Девочка схватила палочку, села на корточки и, высунув язык от усердия, начала старательно выводить на земле корявые буквы.

«Господи! — закатил глаза к небу кот. — Ребёнок, как ты умудрилась сделать две ошибки в слове «мыла»?»

— Не кричи, я стараюсь, — надулась она.

«Старайся лучше. Как мы мир завоюем с таким знанием английского?»

— Зачем мне вообще эти дьявольские буквы? — девочка примеривалась к палочке, думая над тем, как лучше поступить: сломать это дьявольское орудие пыток или выбросить? — И вообще, я не собираюсь мир завоёвывать.

«Это была аллегория. Шутка. Напоминаю, что ты должна написать для меня книгу и подкинуть её тому, на кого я укажу. Или ты не хочешь помочь своему любимому котику? Кормить не буду!»

— Эй! — не на шутку испугалась она. — Прости, Игор, я буду учиться. Так что мне ещё написать?

«Другое дело, — расплылась на его мордочке нахальная ухмылка. — Пиши: У Лукоморья дуб зелёный, златая цепь на дубе том. И днём, и ночью кот учёный, всё ходит по цепи кругом. Пойдёт направо — песнь заводит. Налево — сказку говорит».

Он остановился и посмотрел за застывшую девочку.

«Чего сидим, кого ждём?»

— Слишком быстро. Я не успела первое слово написать. Игор, а там правда, в этот самом «Лукоморе», на дубе золотая цепь? А учёный кот — это ты? Там твой дом?

«Вроде того. Мой дом — дуб, но это секрет».

— А где находится это самое «Лукоморе»? Мы могли бы туда сходить и забрать золотую цепь. Если её продать, мы станем богатыми.

«Примерно четыреста миль на восток через леса. Ты столько не пройдёшь. Да и цепь у тебя отберут, а тебя прирежут. Продолжаем диктант».

— Игор.

«Что ещё? — раздражённо дёрнул он ушами и хвостом».

— А ты мне сказку расскажешь?

«Вечером. Пиши давай».

— А какую сказку расскажешь? — продолжила она рисовать на земле буквы.

«Я их много знаю. Например, про Белоснежку и семь гномов или про Терминатора».

— Про кого?

«Терминатор — машина в виде человека. Неимоверно сложный механизм, созданный людьми в будущем, железный человек, он же оружие».

— Такие механизмы невозможно сделать.

«Всё возможно, было бы желание. Люди могут делать механизмы, на которых смогут летать в небесах, плавать под водой и даже полететь на Луну».

Девочка рассмеялась.

— Какой ты смешной, Игор. Как можно полететь на Луну? Она же маленькая!

«Сама ты маленькая. Луна огромная. Она намного больше страны, в которой ты живёшь».

— Хе-хе-хе! Игор, вот будет ночь, я покажу тебе Луну. Ты сам поймешь, что она маленькая.

«М-да? — прищурился он. — А посмотри-ка в конец улицы на двухэтажный дом. Он

маленький?»

— Нет, — устремила она туда свой взор, — большой.

«Откуда ты знаешь?»

— Я много раз ходила мимо того дома, и я точно знаю — он большой.

«Вот именно! Ты знаешь о том, что дом большой. Но отсюда он кажется маленьким. И так со всеми предметами. Чем дальше они расположены, тем меньшими они кажутся. Так же и с Луной. Она огромная, но находится от нас настолько далеко, что кажется маленькой».

***

Размеренный быт семьи дровосека средневекового города был нарушен с появлением на пороге его дома рослого богача. Хозяин дома отсутствовал, поскольку рано поутру, как обычно, отправился за дровами. Летом в них небольшая нужда, но люди готовят на огне еду, так что спрос есть. К тому же, следовало заготовить побольше дров на продажу осенью, а если получится, то на зиму. Для этого Джон забивал чурками весь двор под завязку.

Высокого черноволосого мужчину в дорогом зелёном бархатном наряде и начищенных сапогах встречала на пороге супруга лесоруба. Худенькая Эмма в свои двадцать три года выглядела на тридцать пять. В серой тунике с паклей немытых серых волос она смотрелась рядом с мужчиной, словно нищенка на фоне аристократа. О том, что гость непростой, говорил меч, который покоился у него слева в ножнах.

— Что понадобилось сиятельному господину? — совершила она низкий подобострастный поклон. — Вы за дровами?

— Тут проживает одиннадцатилетняя девчонка по имени Мэри, — он смотрел на женщину, будто на грязь под ногтями, и говорил сухо рублеными фразами. — Мне нужна она.

— Что наделала эта негодница?! — голос женщины стал визгливым. — Ух, мы накажем эту нахлебницу!

— Заткнись, смердка! — его слова были для женщины подобны ушату ледяной воды. От его презрительного взора она сжалась.

— Простите, господин, — начала кланяться она. — Так зачем вам эта приживалка?

— Где она?! — его прищур сулил кары небесные.

Сглотнув ставшую вязкой слюну, женщина проглотила все заготовленные слова о ненавистной племяннице. Мэри ей не родная. Жизни её четверых детей забрала Чёрная смерть, а эта мелкая мерзавка выжила. «Почему она? Почему жива эта дрянь, а не её детки?». Она возненавидела девчонку. Как могла, она старалась нагадить ей. Пока муж не видел, она кормила её объедками и заставляла трудиться до упаду. Поскольку муж уходил на рубку рано утром, а появлялся дома лишь поздно вечером усталым настолько, что ему хватало сил лишь покушать и добраться до кровати, ему было не до воспитания племянницы и разговоров с ней.

— Мэри сейчас отвозит дрова кузнецу, — заискивающе улыбалась она, внутренне холодея под взором грозного господина. — Если милорд готов немного подождать, то вскоре она вернётся.

— Я подожду, — он внимательно всматривался в лицо женщины. — Почему ты ненавидишь дочь?

— Она мне не дочь, — скривилась её физиономия в отвращении. — Это племянница моего мужа. Её семью забрала Чёрная смерть, а эта су… — она заскрипела зубами. — Мэри каким-то чудом сумела выжить, хотя тоже была больна.

— Болела Чёрной смертью и выжила? — изумлённо приподнялись брови незваного гостя.

— Да. Я точно это знаю. Джон, мой муж, навещал брата. Он видел, что вся их семья болеет, оттого побоялся зайти в дом. Все умерли, а эта дрянь нет. Видит бог, сам дьявол ей покровительствует!

— Почему ты так решила? — во взоре господина был заметен искренний интерес.

Женщина не заметила, что в этот момент правая кисть мужчины шевельнулась. Он направил в неё сторону сложенные щепотью пальцы и будто совершил небольшой толчок воздуха в её направлении. После этого её потянуло на откровения.

— Я видела, как эта дрянь выводит колдовские знаки палкой на земле и разговаривает со своим дьявольским котом! — ухмыльнулась жена дровосека. — Я кормлю эту мерзавку объедками, которых и бродячей собаке будет мало. Я уж думала её заморить голодом и тяжёлой работой, а она не только не подыхает, но ещё и толстеет. Я думаю, господин, что эта тварь ведьма!

— Ты кому-нибудь говорила о том, что она ведьма? — если бы взглядом можно было резать, то под взором мужчины не устояла бы метровая стальная плита, настолько он был острым и яростным.

— А то! — радостно продолжала выкладывать сокровенное собеседница. — Я об этом и соседкам рассказала, и жрецу, и всем торговцам на рынке!

— Грязная дрянь!

Хлёсткая пощёчина стала большой неожиданностью для женщины. Удар оказался настолько мощным, что её тело пулей влетело в дом. Затем следом перешагнул порог господин. Он вытащил из внутреннего кармана камзола лакированную палочку и направил в сторону испуганной женщины.

— Селери Канус! — с яростью процедил он.

С его палочки сорвался болотного цвета луч, который угодил женщине в грудь. Она огромными от ужаса глазами смотрела на мужчину, но не могла найти в себе силы произнести хотя бы одно слово. Её тело охватила невероятная слабость.

— Я проклял тебя на быстрое старение, мугродье! Отныне день твоей жизни будет идти за год. Обычно жертвы этого проклятия живут не дольше двадцати дней. Самый крепкий орешек продержался два месяца. Будешь знать, дрянь, как нельзя обращаться с колдунами и ведьмами!

— Колдун… — тихо в ужасе прошептала она. — Господи спаси, колдун…

— Заткни свою грязную пасть, если не хочешь схлопотать ещё одно проклятье! Уползи в свою конуру и молчи, иначе я сам тебя туда зашвырну и заткну пасть!

Напуганная женщина в ужасе начала загребать ногами и руками. С огромным трудом она сумела заползти в хозяйскую спальню и закрыть за собой дверь. Там она затаилась, опасаясь даже громко дышать. Она ещё не знала, что после проклятия вмиг поседела и стала напоминать старуху. У неё не осталось сил, чтобы говорить, да и страх заставлял молчать, поэтому она мысленно возносила все известные ей молитвы.

Тем временем гость пару раз взмахнул палочкой и прошептал что-то. После этого комната очистилась от грязи, а затем к нему подлетела скамья. После ещё одного взмаха палочкой скамейка превратилась в подобие трона с мягкой спинкой и сидушкой. Он сел и остался дожидаться девочку.

http://tl.rulate.ru/book/81195/2555828